

А. А. Горностаева
Москва, Россия

ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИРОНИЧНОСТЬ, ЧЕРНЫЙ ЮМОР, ДЕСТРУКТИВНОСТЬ, СКВЕРНОСЛОВИЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу современного политического дискурса, в частности, тем изменениям, которые произошли в течение последних десятилетий: смещение от официального стиля в сторону ток-шоу; приобретение таких черт, как развлекаемость, театральность, деструктивность. Стремление шокировать и эпатаживать публику отражается в выборе определенных языковых средств и стилистических приемов, которые представляют собой предмет изучения лингвистов. Широкое использование иронии, черного юмора, сквернословия является особенностью речевых портретов многих современных ораторов. Данное исследование, основанное на материале российского, британского и американского дискурса последних лет, дало интересные результаты в области сопоставительного аспекта и позволяет сделать выводы относительно некоторых тенденций в современном политическом языке. Деструктивность речевого поведения некоторых политиков заставляет их балансировать на границе дозволенного, а иногда делает их речь откровенно грубой и неприемлемой. Современный российский политический дискурс характеризуется промежуточным положением между двумя разновидностями политической коммуникации — тоталитарной и либеральной, не имеет четких ориентиров и находится на пути становления. Западный политический дискурс — это дискурс с устойчивыми традициями, со сложившейся культурой политических дебатов. Английский политический дискурс отличается такой чертой, как ироничность, которая представляет собой характерную особенность английской коммуникативной культуры в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; ирония; ироничность; черный юмор; речевая агрессия; сквернословие; речевое поведение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горностаева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства, факультет непрерывного образования, Московский государственный лингвистический университет; 119571, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 36, к. 519; e-mail: anngormostaeva@yandex.ru.

1. Введение

В современной лингвистике все больше возрастает интерес к политическому дискурсу. Основная задача его лингвистического анализа состоит в выявлении механизмов сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [Наскер 1996: 51]. Исследователи политического дискурса выделяют следующие присущие ему характеристики: преобладание массового адресата; доминирующая роль фактора эмотивности; значительный удельный вес фатического общения (часто более важным оказывается не содержание сообщения, а сам факт его произнесения); смысловая неопределенность (значимость момента веры как проявления иррациональности политического дискурса); эзотеричность, обуславливающая использование таких стратегий, как эвфемизация и намеренная уклончивость; опосредованность политической коммуникации фактором СМИ (ее представители исполняют роль медиатора, выражающуюся в следующих функциональных вариантах: ретранслятор, рассказчик, конференсье, интервьюер, псевдокомментатор, комментатор); театральность; динамичность, обусловленная злободневностью отражаемых реалий и изменчивостью политической ситуации [Шейгал 2000: 12; Садуов 2012]. К этим характеристикам можно добавить черты, особенно ярко проявившиеся сравнительно недавно: деструктивность, развлекаемость, карнавальность, стремление к эпатажу [Волкова, Панченко 2016; Горностаева 2014; Озюменко 2017; El-Zawawy 2017;

Mirzaei, Eslami, Safari 2017; Ryshina-Pankova M., Quam J. 2016].

Политический язык отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и одновременно участвует в ее создании и изменении. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы [Чудинов 2001; Anikin, Budaev, Chudinov 2015]. Используя экспрессивные средства языка, власть, в свою очередь, осуществляет манипулирование общественным сознанием. Таким образом, развитие политического языка и политической реальности тесно взаимосвязано.

2. Черты современного политического дискурса

Политический дискурс является предметом исследования политической лингвистики — науки, призванной изучать воздействие на массовое сознание языковых средств и приемов. Его целью является воздействие на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям. Центральные понятия политической коммуникации — это адресат и способы его убеждения.

В процесс осуществления политического дискурса вовлечены, как правило, несколько участников, один из которых — аудитория, являющаяся косвенным адресатом высказываний говорящих. Поскольку язык являет-

ся средством воздействия на мысли, чувства, поступки адресата, правомерно рассматривать политический дискурс в рамках прагмалингвистики и трактовать его как совокупность речевых актов, используемых в политической коммуникации с целью борьбы за власть и ее удержание. Характер языка политики идеологически обусловлен и следует прагматическим установкам, целям и условиям общения. Речевое воздействие осуществляется посредством лексических, стилистических и синтаксических средств через убеждение, внушение и принуждение в эксплицитной и имплицитной форме.

Традиционно политический дискурс характеризуется как официальный и сдержанный, однако в современном политическом дискурсе происходит переход от официальности и сдержанности к неформальности речи, на что обращают внимание многие исследователи [Базылев 2005; Шейгал 2000; Fialkova, Yelenevskaya 2013 и др.]. Политические дебаты приближаются по своим характеристикам к ток-шоу, ораторы используют приемы, удивляющие и даже шокирующие публику: язвительную иронию, откровенную грубость, черный юмор, сквернословие. Развлечение зрителей становится едва ли не главной составляющей политических дискуссий. Это признают как сами политики, так и политические комментаторы. Например, в свете грядущих выборов президента России в 2018 г. ведущий одной из популярных программ заявляет: *Реальный кандидат на выборах только один, но надо как-то украшать выборы. Народ надо веселить* [Первый канал. «Время покажет». 25.10.2017].

3. Агрессия и деструктивность

Критика и нападение — особенности политического диалога между оппонентами в любой культуре. Политики самоутверждаются за счет победы над своими противниками, что выражается в речи.

В политическом дискурсе, по своей природе агональном [Шейгал 2000] и деструктивном [Волкова, Панченко 2016; Озюменко 2017], принцип соперничества является одним из главных. Некоторые лингвисты уподобляют политический дискурс военным действиям, в которых язык приобретает статус оружия [Шилихина 2011: 177], при этом целью говорящего является уничтожение противника: «Как и на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение „боевой мощи“ противника — вооружения (то есть мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента)» [Демьянков 2002: 39]. Агрессия является од-

ной из стратегий, которая предопределена самой целью политического дискурса — победой над оппонентом.

В теории коммуникации термин «деструктивное общение» трактуется весьма широко: в качестве примеров исследователи приводят манипулятивное общение, авторитарный стиль, распад и осложнение отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, даже молчание как наказание партнера, а также умолчание [Волкова, Панченко 2016]. Интенцией деструктивности в политической коммуникации является нанесение вреда репутации оппонента и уменьшение его политических шансов. Исследователи отмечают, что подобное речевое поведение является результатом не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной деструктивной стратегии [Волкова 2014]. Согласно теории деструктивности, различаются доброкачественная агрессия, т. е. «биологически адаптивная, способствующая поддержанию жизни», и «злокачественная агрессия, не связанная с сохранением жизни» [Фромм 1994: 163]. Доброкачественная агрессия представляет собой реакцию на угрозу и выполняет защитную функцию, в то время как злокачественная агрессия не является защитой: «В основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека» [Фромм 1994: 21]. Именно такое отношение к оппоненту, вызванное сознательным желанием разрушить, нанести вред, и определяется исследователями как деструктивная деятельность — «специфически человеческая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение существующих объектов и систем» [Лысак 1999: 5]; тип общения, направленного на «сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» [Волкова, Панченко 2016: 168]. Для реализации деструктивного поведения характерны обвинительный тон высказываний, разная степень интенсивности критики — от резкой до злобной, превалирование отрицательной оценочности.

Одной из предпосылок агрессивности и деструктивности политического дискурса является современная тенденция идентификации и разделения на «нас» и «их», или «своих» и «чужих» [Van Dijk 2009; Wodak 2015; Фоменко 2016] и др. Под «ними» подразумеваются все те лица, которые могут угрожать национальной безопасности госу-

дарства — террористы, иммигранты и т. д. Специалисты в области критического дискурс-анализа определяют «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур (примеры: исследование Т. А. ван Дейка о представлении в голландских СМИ суринамцев, турок и марокканцев; исследование Р. Водак антииммигрантского и антисемитского дискурса в Австрии). Тем не менее этот термин трактуется и шире: например, «чужие» — это все те, кто нарушает традиционные нормы, т. е. лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики [Будаев, Чудинов 2006].

Противопоставление «свои — чужие» обостряет деструктивность политической речи. С целью выявления этой тенденции в современном политическом дискурсе нами был проанализирован материал выступлений американских, британских и российских ораторов. Анализ показал, что политические лидеры используют прямые оскорбления оппонентов, т. е. транспонированные знаки агрессии [Шейгал 2000], оскорбительные прозвища с инвективной функцией, издевки, насмешки, передразнивания политических противников.

(1) *She [H. Clinton] took a little short circuit in the brain; John Kasich — dummy; Karl Rove — irrelevant clown; Jeb Bush — low energy; crooked Hillary* (Дональд Трамп о своих оппонентах) [цит. по: Волкова, Панченко, 2016: 174].

(2) *Кто такая Собчак? Что она знает? Она в Сибири была? В армии служила? Просто девушка и все* (В. В. Жириновский во время предвыборной кампании) [«Время покажет». Первый канал. 23.11.2017].

(3) *Американцы никогда не будут воевать... это торгаши, спекулянты. Им только на разборки приезжать* (В. В. Жириновский об американцах) [Там же].

Деструктивное поведение подразумевает высокий уровень речевой агрессии, того, что называется «языком вражды» (*hate language*). Этот термин включает в себя использование некорректных выражений и оскорблений в адрес собеседника: «Есть определенные четко ограниченные формы речи, наказание за которые никогда не составляло конституционной проблемы. К ним относятся скабрзные, непристойные, грубые, клеветнические, оскорбительные слова, или „вербальная агрессия“ — те, которые в силу своего произнесения наносят травму или подстрекают к нарушению мира» [Лакофф 2014: 71].

Агрессия может быть выражена и в вуалированной форме, например, через иронию. В политическом дискурсе она может

приобретать острые, гротескные проявления, выражаясь и в грубой форме, а не только в виде тонкой издевки или «под видом похвалы» [Ермакова 2014: 77]. В политической речи часто присутствует сарказм, который некоторые авторы рассматривают как разновидность иронии [Attardo 2007; Leech 2014]. Такая ирония является способом нагрубить и реализуется за счет подразумеваемого противоречия: «...irony is triggered by inferred contradiction» [Alba-Juez 2014: 145].

Ирония, с одной стороны, маскирует некорректное поведение, с другой — доносит до собеседника негативный смысл оценки. В этом заключается один из секретов успешного проведения дискуссий: «Если вам необходимо нанести оскорбление, сделайте это таким образом, чтобы не противоречить „принципу прагматики“: позвольте собеседнику косвенным путем постичь оскорбительный смысл вашего высказывания за счет имплицатуры» («If you must cause offence, at least do so in a way which doesn't conflict with the *Principles of Pragmatics*, but allows the hearer to arrive at the offensive point of your remark indirectly, by way of implicature» [Leech 1983: 82]).

4. Ироничность

Ирония — категория субъективная, подчас трудно уловимая, это живой и сложный феномен, который не может быть загнан в жесткие рамки. Ирония представляет собой синтез идеологического процесса и лингвистического явления, функционирующий в политическом дискурсе как механизм смыслопорождения и интерпретации политических реалий.

Мы опираемся на предложенное ранее определение иронии как речевого жанра, имеющего в основе языковую манипуляцию, которая заключается в употреблении слова, выражения или высказывания в отличном от буквального смысле. Ирония выполняет функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего, является отражением менталитета народа и имеет этнокультурные особенности [Горностаева 2013].

В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Иронический политический дискурс заставляет аудиторию активно участвовать в процессе переосмысления и интерпретации информации.

Ирония может быть подготовлена заранее и включена в выступление политика сознательно; тем не менее наиболее ценными с лингвистической точки зрения представ-

ляются иронические экспромты (в данном случае ирония выступает не как готовый инструмент, а как категория дискурса, продукт взаимодействия между автором и адресатом).

В политическом дискурсе ирония выполняет различные функции — от нападения до защиты, сохранения лица; от сближения с аудиторией до дистанцирования.

(4) *I am not known for my sense of humour... people say I am boring compared to Donald... but I am not boring at all... In fact I am the life of every party I attend... and I have been to three* [2016 Al Smith Dinner (Full) [http](http://)]. (Х. Клинтон использует иронию в защитной функции: «Я не могу похвастаться чувством юмора... Люди говорят, по сравнению с Дональдом я скучна... Но это не так. На самом деле, я — душа компании на любой вечеринке. А я была на трех»).

(5) *The press this year is more biased than ever. You want an example? Michelle Obama gives a speech and everyone loves it, it's fantastic. They think she's absolutely great. My wife, Melania, gives the same exact speech and people get on her case and I don't get it!* [2016 Al Smith Dinner (Full) [http](http://)] (Дональд Трамп, рассказывая о выступлении своей супруги с речью, которую сочли плагиатом: «Пресса в этом году очень предвзята. Хотите пример? Мишель Обама выступает с речью, которая всем очень нравится. Это замечательно. Все считают ее умницей. Моя жена, Мелания, произносит в точности ту же самую речь. И все набрасываются на нее. Не понимаю!»).

В данных примерах присутствует самоирония, которая отсекает все дальнейшие попытки критики и является мощным оружием защиты от нападков. Так, в речи Х. Клинтон неожиданное добавление в конце фразы *and I have been to three* является нарушением коммуникативных ожиданий адресата и сигнализирует о том, что говорящий использует иронию. Показное и нарочитое возмущение Д. Трампа поведением прессы также свидетельствует о его неискренности и предотвращает дальнейшую критику.

Ирония может выполнять и иную функцию — сближение с аудиторией.

(6) — *What would you do with people who avoid tax?*

— *I would kill them.*

— *Would you pay the same tax if you could get away with it?*

— *I certainly wouldn't say I would. If I did, I would do it secretly and then lie about it* [David Mitchell on Tax Avoidance (from The Last Leg) [http](http://)].

(Дэвид Митчелл, британский актер и

комментатор, отвечая на вопросы интервью:

— *Что бы вы делали с теми, кто уклоняется от уплаты налогов?*

— *Я бы убивал их.*

— *А вы сами стали бы платить налоги, если бы могли избежать этого?*

— *Если бы я мог избежать, я бы не стал об этом рассказывать. Я бы делал это втайне, а потом бы врал.)*

В данном случае говорящий сначала использует ироническую гиперболу (*I would kill them*), а потом прибегает к механизму нарушения коммуникативных ожиданий, открыто сознаваясь в готовности уклоняться от налогов, что контрастирует по смыслу с первоначальным заявлением. Такая манера вести диалог создает неформальную атмосферу даже при обсуждении серьезных вопросов. Ирония помогает снять напряжение, нивелировать проблему.

(7) — *По поводу Роберта Крафта и этой истории с кольцом... Что вы думаете по этому поводу?*

— *Я не помню ни господина Крафта, ни кольца... Но если это такая большая ценность, я попрошу, чтобы у нас изготовили, чтобы было видно, что это дорогая вещь. Это будет лучшим решением этой сложной международной проблемы* [Лучшая подборка Путина... [http](http://)] (В. В. Путин — об инциденте с пропавшим кольцом Роберта Крафта).

Употребленная в ответе ироническая гипербола — «сложная международная проблема» — сигнализирует об истинном отношении говорящего к данному вопросу: он считает проблему незначительной и не считает нужным заострять на ней внимание (речь идет о заявлении владельца американской футбольной команды «Нью Ингленд пэтриотс» Роберта Крафта о якобы похищенном у него в России кольце). Наилучший способ сообщить об этом — ирония, которая помогает выразиться предельно ясно, не обижая собеседника.

Таким образом, ирония является значимым и неотъемлемым компонентом политического дискурса.

5. Черный юмор

Еще одной чертой политического дискурса является черный юмор (*black humour*, *grim humour*, или *gallows humour*) как способ юмористического отражения чего-либо трагического или ужасного. Черный юмор не имеет цели высмеять общечеловеческие ценности. Его функция — защита, смягчение эффекта от возможных потрясений, с которыми может столкнуться любой человек. Почти сотню лет назад З. Фрейд писал, что человеческое эго предпочитает не мучиться

из-за реальности, а считать травматические эпизоды внешнего мира незначительными; такие травмы превращаются в способ достичь удовольствия [Фрейд 2006]. Часто черный юмор — один из способов справиться с тяжелой, кажущейся неразрешимой проблемой.

Американские авторы отмечают возрастание роли черного юмора в период нестабильности в обществе, роста тревожности и нервозности [Blank 2013]. Современное общество переживает как раз такой период — мы можем наблюдать, как трагические события провоцируют нервный смех и мрачный юмор. Распространению этого «фольклора» способствует Интернет, публикующий шутки на все темы — дозволенные и недозволенные, иногда выходящие за рамки пристойности и корректности.

Многие современные политики прибегают к черному юмору, чтобы привлечь исключительное внимание аудитории, обозначить свою неоднозначную позицию по какому-либо вопросу, сделать заявление, граничащее с сенсацией.

Например, вскоре после трагической смерти российских летчиков, сбитых турецкими ВВС, получила широкое распространение ироническая метафора «Помидорами не отделаетесь». Впервые она появилась в двенадцатом послании президента России Федеральному собранию (2015 г.) и имела под собой выражение реального негодования и обещание дальнейших решительных действий, кроме запрета импорта турецких овощей и фруктов в Россию. Далее крылатое выражение многократно повторялось и видоизменялось СМИ: «Нельзя мерить жизнь наших военных майками и помидорами», «Турки помидорами не отделаются» (о закрытии турецких курортов). Ирония в данном словосочетании заключена в том, что центральный образ — помидоры — на самом деле не имеет никакого значения, речь идет о вещах намного более важных: жизни и смерти.

События внутривнутриполитической жизни также представляют собой обширное поле для мрачных шуток. Так, отвечая на вопрос о повышении пенсионного возраста, президент РФ В. В. Путин прокомментировал ситуацию риторическим вопросом:

(8) *Отработал — в деревянный макинтош — и поехал?* (Прямая линия с В. Путиным. 16.04.2015).

Использование яркой иронической метафоры («деревянный макинтош» вместо «гроб»; «поехал» вместо «умер») убедительно выражает негативную позицию говорящего по отношению к такой реформе.

В англоязычной политической речи использование черного юмора — давняя традиция. К таким распространенным темам, как война, смерть, болезни, в современном языке прибавилась тема беженцев и терроризма, дающая широкий простор для творчества использующим черный юмор. Подобные шутки можно встретить на сайтах, посвященных обсуждению политических событий. Некоторые шутки из разряда черного юмора маркированы на сайте пометкой *Feel free to laugh! This is America. And remember: laughter is the best medicine. If you can't laugh at your pain, then they won.* («Смейтесь, не стесняйтесь! Это Америка. И помните: смех — лучшее лекарство. Если вы не можете смеяться над своей болью, они победили»). Примером может служить шутка на тему теракта в США 11 сентября 2001 г.:

(9) *American Airlines offer a new deal: they promise to fly you straight from the airport to the office* [This 9/11 Joke Collection Will Save America! <http://www.911jokes.com/>]. («„Американ Эрлайнз“ предлагают новую услугу: вас доставят из аэропорта прямо в офис»).

Юмористические сайты публикуют фотографии темнокожих иммигрантов, снабженные подписями:

(10) *This is Nahir* (photo of an Arab). *Nahir is born in Germany. Nahir is German.*

This is Fluffy (photo of a guinea pig). *Fluffy is born in horse stable. Fluffy is a horse* [Dark humour].

(*Это Нахир* (фото араба). *Нахир родилась в Германии. Нахир — немец.*

Это Флаффи (фото морской свинки). *Флаффи родилась в конюшне. Флаффи — лошадь.*)

В данном рассуждении использован иронический механизм абсурдного вывода. Любопытно, что отсутствие логики становится очевидным во втором примере, тогда как первое утверждение кажется формально логичным. Ирония здесь направлена против иммигрантов, что нарушает все правила политкорректности и является расизмом по сути. Тем не менее в современной Европе, которую захлестнула волна иммигрантов из стран третьего мира, подобные шутки иногда встречаются.

Теме расизма посвящен и следующий афоризм:

(11) *All races are equal. No matter if you are black, yellow, brown or normal* [Dark humour] («Все расы равны. И не важно, какой вы — черный, желтый, коричневый или нормальный»). Ирония здесь заключена в несоответствии первого утверждения второму, подразумевающему противопоставление белой расы всем остальным.

Сексистские шутки также популярны:

(12) *Women should have equal rights as men but... BACK TO THE KITCHEN!* («У женщин должны быть равные права с мужчинами, но... Марш назад на кухню!»)

Несмотря на давность событий Второй мировой войны, остаются актуальными связанные с ними шутки, исполненные черного юмора:

(13) *The story of Hansel and Gretel wouldn't be the last time Germans pushed people into ovens* [Dark humour] («История Гензеля и Гретель — не последняя, в которой немцы заталкивали людей в печи»).

Можно предположить, что чем напряженнее ситуация в стране и в мире в целом, тем большее распространение имеет черный юмор. Он выполняет функцию защиты общества и каждой личности в отдельности от потрясений, стрессов и чрезмерного накала эмоций.

6. Сквернословие

Сквернословие часто занимает значимое место в дискурсе современных политиков. Необходимо отметить, что допустимость сквернословия варьируется в зависимости от национальной культуры, например «сфера употребления ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, в английской коммуникации шире, чем в русской» [Ларина 2013: 326—327]. Поскольку грубость, как и вежливость, имеет свою национально-культурную специфику и степень толерантности к ней в различных культурах различна [Ларина, Козырева, Горностаева 2012: 126], оценивать поведение как вежливое или грубое не всегда просто, особенно в сопоставительном аспекте.

В российском политическом дискурсе присутствуют общие пейоративы со значением «негодяй, ничтожество» (*посмешище, подлец*), специальные пейоративы, называющие носителей конкретных пороков (*извращенец, мошенник, вор, убийца, предатель, провокатор*), и обсценная лексика. Эти языковые средства способны создать у реципиента определенное эмоциональное отношение к предмету разговора, сформировать негативные ментальные репрезентации.

В течение последних десятилетий отмечается широкое употребление в публичной речи единиц общеупотребительной, просторечной и жаргонной лексики, а также инвектив. Анализ российского политического дискурса на рубеже XX—XXI вв. показал, что «в речи многих верховных, официальных и политических лиц (примеров множество: Б. Ельцин, А. Чубайс, А. Руцкой, Ю. Батулин, Е. Гайдар) встречаются такие оскорбительные выражения, как *недоумки, популисты,*

спекулянты, политическая паранойя, бредовые прожекты... не говоря о таких „мелочах“, как *бред, чушь*» [Шапошников 1998: 157]. Данную тенденцию отметили многие исследователи: так, В. И. Жельвис [Жельвис 1999, 2001] рассматривает многочисленные примеры использования бранных выражений в современной агитационно-политической речи; А. М. Майданова анализирует разнообразные виды речевой агрессии в средствах массовой коммуникации [Майданова и др. 1997]. Агрессивная природа современных политических лозунгов и использование пейоративов детально исследованы А. Н. Барановым, Д. Б. Гудковым, Л. В. Ениной и Е. И. Шейгал [Баранов 1993; Гудков 1999; Енина 2000; Шейгал 2000].

Несмотря на то, что современная публичная речь открыта для разговорно-сниженной лексики, которая способствует деофициализации речи и делает общение более непринужденным, существуют определенные ограничения, регулирующие границы снижения стиля в выступлениях политиков.

Проникновение обсценной лексики в политический дискурс можно наблюдать даже в парламентских дебатах, политических интервью.

Например, во время пресс-конференции В. В. Жириновский, даже не дослушав вопрос журналистки, среагировал таким образом:

(14) *Фурии Майдана... Бешенство матки у вас у всех! Не было бы бешенства матки, Майдана не было бы. Нету любовника, нету мужа, никого нет! Через язык вырывается огненный смерч. Так и у вас... Пошла вон отсюда, лесбиянка!* [Жириновский опять Оскандалился! [http](#)].

Даже во время встреч на высшем уровне можно слышать сквернословие. Так, известна реплика С. В. Лаврова:

(15) «*Дебилы, б...ь*», адресованная журналистам, переговаривавшимся в ходе пресс-конференции с министром иностранных дел Саудовской Аравии Аделем аль-Джубейром [Сергей Лавров: «Дебилы, ...» [http](#)], а также иронический комментарий по этому поводу пресс-секретаря президента РФ Д. С. Пескова, что лучше было бы выразиться «*Козлы, нах...й*» [Песков: «Козлы нах*й» [http](#)].

Тем не менее есть способы формально соблюсти литературные нормы и вместе с тем дать понять, какие именно пейоративы могли бы быть употреблены:

(16) *Многие меры давно назрели, и нужно было принимать адекватные складывающейся ситуации решения... такие вопросы решаются недостаточно продуманно. Не буду употреблять крепких выражений, не имею на это права, тем более в прямом*

эфире, но вы понимаете, что я имею в виду [Путин В. В. Прямой эфир 27.09.2005 [http](http://)].

Сквернословие в английском парламенте формально не допускается. Существуют специальные правила, запрещающие напрямую называть оппонентов лгунами или обвинять в намеренном обмане; нельзя говорить, что член парламента пьян; запрещается запугивание или физическое воздействие (в отличие от австралийского парламента, где допустимы прямые оскорбления и обвинения. Например, премьер-министр Пол Китинг в 1980—1990 гг. характеризовал оппозицию таким образом: *cheats, vandals, lice, brain-damaged, piece of criminal garbage* — жулики, вандалы, вши, слабоумные, кусок криминального мусора) [Beard 2001]. Тем не менее, по замечанию исследователей, есть множество не прямых способов высказать неуважение и враждебность: «This does not mean that members are perpetually disrespectful to each other — they have to find less direct means of being hostile to their opponents» [Beard 2001: 111].

Ораторы, находящиеся вне стен парламента, позволяют себе и более свободные выражения:

(17) *And that's the most fucking bomb* [David Mitchell on Tax Avoidance [http](http://)]. «Это — полная х...ня!» — говорит комментатор Дэвид Митчелл о неправильной, на его взгляд, системе налогообложения в Великобритании.

Одно из особо любимых англоязычными политиками бранных слов — *crap*, которое часто используется для характеристики того, что говорят и делают оппоненты, что подлечит критике:

(18) *They used to call it "silent majority", but they are not using this word any more. We are not taking this crap any more* [Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami... [http](http://)] («Раньше это называлось „молчаливое большинство“, но теперь это выражение больше не употребляют. Хватит этой ерунды»).

(19) *Proclaiming separation of churches and all this crap...* [Ben Carson Speaks to Voters at Iowa Caucus Site [http](http://)] («Предлагается разделить церкви и прочий бред...»).

(20) *We are supposed to hate Muslims... and that kind of crap is not going to work in the USA. Let's stop this scapegoating one group of people or another* [Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump [http](http://)] («Предполагается, что мы ненавидим мусульман... Весь этот бред не пройдет в США. Давайте прекратим относиться к той или иной группе людей как к козлам отпущения»).

Таким образом, пейоративы занимают прочное место в современном политическом дискурсе. Это является следствием демо-

кратизации речи и утраты политическим языком строго официального характера.

7. Выводы

Изменения, происходящие в политическом дискурсе на современном этапе, демонстрируют его смещение от официально-сти в сторону разговорного стиля. К тем характеристикам, которые присущи политическому дискурсу изначально (эмоциональная насыщенность, агрессивность, направленность на манипулирование общественным мнением), добавились новые черты: заигрывание с аудиторией, стремление ее позабыть или шокировать, клоунада и карнавальность речи. Такие приемы, как ирония, черный юмор, употребление общенной лексики, служат, с одной стороны, для минимизации дистанции между оратором и публикой, создания образа «своего парня», с другой — для самовозвышения говорящего и уничтожения политических оппонентов. Деструктивность современного политического дискурса, грубость и оскорбления, ему присущие, приводят к тому, что некоторые ораторы с трудом балансируют на границе дозволенного. Спасти положение, сохранить лицо помогает ирония, выполняющая различные функции — как критики, так и защиты, как сближения, так и дистанцирования. Таким образом, исследование иронии как риторической фигуры политического общения играет важную роль в плане повышения эффективности дискурса.

Отражая специфику социокультурного развития страны, современный российский политический дискурс занимает промежуточное положение между двумя разновидностями политической коммуникации — тоталитарной и либеральной. Недостаток у говорящих представлений об этических параметрах и соответствующих коммуникативных инструментах не всегда позволяет отражать реалии нового времени и взаимодействовать с ними, вследствие чего ораторы пытаются адаптировать старые (или заимствованные) политические и коммуникативные клише к новой ситуации, включая в свою речь дискредитирующие оппонента элементы (оскорбление, компромат и черный пиар). В целом можно сказать, что российский политический дискурс не имеет четких ориентиров и находится на пути становления.

Что касается западного политического дискурса, то здесь наблюдается несколько иная картина: это дискурс с устойчивыми традициями, со сложившейся культурой политических дебатов. Английский политический дискурс отличается такой чертой, как ироничность, которая представляет собой характерную особенность английской ком-

муникативной культуры в целом.

Тем не менее и в российском, и в англо-американском современном политическом дискурсе наблюдаются общие тенденции: распространение черного юмора, сквернословия, балансирование на границе дозволенного.

ИСТОЧНИКИ

1. Жириновский опять Оскандалился! "Пошла вон отсюда лесбиянка..." [Электронный ресурс] // Youtube. 2014. 19 апр. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xDLAfVqEyg>.
2. Лучшая подборка Путина Свежие острооты и шутки Путина Зал рукоплещет его шуткам [Электронный ресурс] // Youtube. 2014. 2 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo>.
3. Песков: "Козлы нах*и" [Электронный ресурс] // Youtube. 2016. 30 дек. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dWhpOm5js>.
4. Путин В. В. Прямой эфир 27.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru>.
5. Сергей Лавров: «Дебилы, ...» [Электронный ресурс] // Youtube. 2015. 12 авг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TfhlFGaIHRw>.
6. Ben Carson Speaks to Voters at Iowa Caucus Site [Electronic resource] // Youtube. 2016. 1 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AYEO9FSgNMA>.
7. Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump [Electronic resource] // Youtube. 2015. 8 Dec. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WkNXjVIEQoI>.
8. Dark humour [Electronic resource]. URL: <https://9gag.com/darkhumor>.
9. David Mitchell on Tax Avoidance (from The Last Leg) [Electronic resource] // Youtube. 2015. 2 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m2q-Csk-ktc>.
10. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD [Electronic resource] // Youtube. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bx3sZfOoZp8>.
11. This 9/11 Joke Collection Will Save America! [Electronic resource] // Ooze.com. URL: <http://www.ooze.com/articles/9-11-jokes.html>.
12. 2016 Al Smith Dinner (Full) | The New York Times [Electronic resource] // Youtube. 2016. 10 Oct. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>.

ЛИТЕРАТУРА

13. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 5—32.
14. Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.
16. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте : моногр. — Волгоград : Перемена, 2014. 324 с.
17. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.
18. Горностаева А. А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации : моногр. — М. : Маска, 2013. 240 с.
19. Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64—74.
20. Гудков Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России — 3 : материалы рабочего совещания. — М., 1999. С. 64—67.
21. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. — № 3. С. 32—43.
22. Енина Л. В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. С. 207—216.
23. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры ре-

- чи. — Калуга, 2014. № 1—2 (9—10). С. 74—80.
24. Жельвис В. И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. — Екатеринбург, 1999.
25. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Ладомир, 2001. 352 с.
26. Лакофф Р. Вербальная агрессия vs. политкорректность / пер. В. В. Дементьева // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 69—73.
27. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. — М. : Языки славянских культур, 2013. 360 с.
28. Ларина Т. В., Козырева М. М., Горностаева А. А. О грубости в коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2012. № 2. С. 126—134.
29. Лысак И. В. Человек-разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. — Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. 55 с.
30. Майданова А. М., Амиров В. М., Енина Л. В. [и др.]. Речевая агрессия в средствах массовой информации. — Екатеринбург, 1997. 118 с.
31. Озоменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. No 1. С. 203—220.
32. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.
33. Фоменко Т. А. Образ врага как стереотип мышления // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. № 1. Т. 20. Ч. 2. С. 46—60.
34. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. — М., 2006. 55 с.
35. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : Республика, 1994. 447 с.
36. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2001) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
37. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998. 243 с.
38. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
39. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 177—182.
40. Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // Russian Journ. of Linguistics. 2014. № 4. P. 139—152.
41. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. P. 26—32.
42. Attardo S. Irony as a Relevant Inappropriateness. Irony in Language and Thought // A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston, R. W. Gibbs. — New York ; London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135—172.
43. Beard A. The language of politics. — Taylor & Francis eLibrary, 2001. 133 p.
44. Blank T. J. The Last Laugh. — Eurospan, 2013. 176 p.
45. El-Zawawy A. M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 183—202.
46. Fialkova L., Yelenevskaya M. In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. — Tartu ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.
47. Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis. The Theory and Practice of Political Communication Research. — New York : State Univ. of New York Pr., 1996. P. 28—55.
48. Leech G. N. Principles of pragmatics. — London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
49. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2014.
50. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
51. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
52. Van Dijk T. A. Society and Discourse. How social contexts

control text and talk. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009.
53. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist

Discourses Mean. — London : Sage, 2015.

A. A. Gornostaeva
Moscow, Russia

PERMITTED LIMITS IN POLITICAL DISCOURSE: IRONY, BLACK HUMOUR, DESTRUCTIVENESS, INVECTIVES

ABSTRACT. *The article analyzes contemporary political discourse; special attention is paid to the changes happening in the last decades – the shift from official style to talk show style, acquisition of such features as entertainment, theatrics and destruction. The desire to shock and astonish the audience is reflected in the choice of certain language means and stylistic devices, which are in the focus of great attention of linguists. Wide usage of irony, black humor and taboo words is the peculiarity of many public speakers today. This research, based on the Russian, American and British discourses of the nearest past, revealed interesting tendencies in the field of comparative aspect and makes it possible to make conclusions about some trends in political language. Destructive verbal behavior of some speakers makes them sail close to the wind, but still, in some cases their speeches are vulgar and unacceptable. Contemporary Russian political discourse is characterized by intermediary position between two types of political communication – totalitarian and liberal, at the same time it has no clear road map and it is still developing. The western political discourse is the discourse with stable traditions and its rules of debates. The English political discourse is ironic, which is the characteristic feature of the English communicative culture in general.*

KEYWORDS: political discourse; irony; ironical; dark humour; speech aggression; swearing; verbal behavior.

ABOUT THE AUTHOR: Gornostaeva Anna Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Department of Translation and Pedagogy, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Zhirinovskiy opyat' Oskandalilsya! "Poshla von otsyuda lesbiyanka..." [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2014. 19 apr. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xDIAfVqEYg>.
2. Luchshaya podborka Putina Svezhie ostroty i shutki Putina Zal rukopleshchet ego shutkam [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2014. 2 iyunya. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo>.
3. Peskov: "Kozly nakh*y" [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2016. 30 dek. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dWhpPOmq5js>.
4. Putin V. V. Pryamoy efir 27.09.2005 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://archive.kremlin.ru>.
5. Sergey Lavrov: «Debily, ...» [Elektronnyy resurs] // Youtube. 2015. 12 avg. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TfhlFGaHRw>.
6. Ben Carson Speaks to Voters at Iowa Caucus Site [Electronic resource] // Youtube. 2016. 1 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AYEO9F5gNMA>.
7. Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump [Electronic resource] // Youtube. 2015. 8 Dec. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WkNXjVIEQoI>.
8. Dark humour [Electronic resource]. URL: <https://9gag.com/darkhumor>.
9. David Mitchell on Tax Avoidance (from The Last Leg) [Electronic resource] // Youtube. 2015. 2 Feb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m2q-Csk-ktc>.
10. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD [Electronic resource] // Youtube. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Bx3sZfOoZp8>.
11. This 9/11 Joke Collection Will Save America! [Electronic resource] // Ooze.com. URL: <http://www.ooze.com/articles/9-11-jokes.html>.
12. 2016 Al Smith Dinner (Full) | The New York Times [Electronic resource] // Youtube. 2016. 10 Oct. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>.
13. Bazylev V. N. Politicheskij diskurs v Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2005. № 15. S. 5—32.
14. Baranov A. N. Yazykovye igry vremen perestroyki (Fenomen politicheskogo lozunga) // Rusistika. 1993. № 2.
15. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
16. Volkova Ya. A. Destrktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte : monogr. — Volgograd : Peremena, 2014. 324 s.
17. Volkova Ya. A., Panchenko N. N. Destrktivnost' v politicheskom diskurse // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 161—178.
18. Gornostaeva A. A. Ironiya kak komponent angliyskogo stilya kommunikatsii : monogr. — M. : Maska, 2013. 240 s.
19. Gornostaeva A. A. Ironiya v politicheskom diskurse: agressiya ili razvlechenie? // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2014. № 3. C. 64—74.
20. Gudkov D. B. Nastennyye nadpisi v politicheskom diskurse // Politicheskij diskurs v Rossii — 3 : materialy rabochego soveshchaniya. — M., 1999. S. 64—67.
21. Dem'yankov V. Z. Politicheskij diskurs kak predmet politicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya. — M., 2002. — № 3. S. 32—43.
22. Enina L. V. Ideologicheskoe sodержание sovremennykh lozungov protesta // Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. — Ekaterinburg, 2000. S. 207—216.
23. Ermakova O. P. Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (Eshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) // Zhanry rechi. — Kaluga, 2014. № 1—2 (9—10). S. 74—80.
24. Zhel'vis V. I. Invektiva v politicheskoy rechi // Russkiy yazyk v kontekste kul'tury. — Ekaterinburg, 1999.
25. Zhel'vis V. I. Pole brani. Skverno slovie kak sotsial'naya problema. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Ladomir, 2001. 352 s.
26. Lakoff R. Verbal'naya agressiya vs. politkorrektnost' / per. V. V. Dement'eva // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 69—73.
27. Larina T. V. Anglichane i russkie: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 360 s.
28. Larina T. V., Kozyreva M. M., Gornostaeva A. A. O grubosti v kommunikativnoy etike v mezhkul'turnom aspekte: postanovka problemy // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2012. № 2. S. 126—134.
29. Lysak I. V. Chelovek-razrushitel': destruktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sotsiokul'turnyy fenomen. — Taganrog : Izd-vo TRTU, 1999. 55 s.
30. Maydanova A. M., Amirov V. M., Enina L. V. [i dr.]. Rechevaya agressiya v sredstvakh massovoy informatsii. — Ekaterinburg, 1997. 118 s.
31. Ozyumenko V. I. Mediynny diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii — k agressii // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 21. No 1. S. 203—220.
32. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskij i semioticheskij analiz : monogr. — Ufa: RITs BashGU, 2012. 136 s.
33. Fomenko T. A. Obraz vruga kak stereotip myshleniya // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2016. № 1. T. 20. Ch. 2. S. 46—60.
34. Freyd Z. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu. — M., 2006. 55 s.
35. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M. : Respublika, 1994. 447 s.
36. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2001) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

37. Shaposhnikov V. N. Russkaya rech' 1990-kh. Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii. — M., 1998. 243 s.
38. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. — M. ; Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.
39. Shilikhina K. M. Ironiya v politicheskom dialoge // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 177—182.
40. Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // Russian Journ. of Linguistics. 2014. № 4. P. 139—152.
41. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A.P. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 3. P. 26—32.
42. Attardo S. Irony as a Relevant Inappropriateness. Irony in Language and Thought // A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston, R. W. Gibbs. — New York ; London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135—172.
43. Beard A. The language of politics. — Taylor & Francis e-Library, 2001. 133 p.
44. Blank T. J. The Last Laugh. — Eurospan, 2013. 176 p.
45. El-Zawawy A. M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 183—202.
46. Fialkova L., Yelenevskaya M. In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. — Tartu ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.
47. Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis. The Theory and Practice of Political Communication Research. — New York : State Univ. of New York Pr., 1996. P. 28—55.
48. Leech G. N. Principles of pragmatics. — London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
49. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2014.
50. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
51. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
52. Van Dijk T. A. Society and Discourse. How social contexts control text and talk. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009.
53. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. — London : Sage, 2015.